

Тома-Симон
Гёллет

БРЕТОНСКИЕ ВЕЧЕРА

Сказки

1786

Тома-Симон Гёллет

Бретонские вечера

«Автор»

2026

Гёллет Т.

Бретонские вечера / Т. Гёллет — «Автор», 2026

«Бретонские вечера» Тома-Симона Гёллета — книга взаимосвязанных волшебных историй о принцах и принцессах, морских странствиях, чудесных превращениях и испытаниях верности. Дракон, статуя Истины и зеркало Мудрости помогают героям распутать замыслы фей и чародеев. Полный перевод авторского раздела издания 1786 года: предуведомление, обрамление, вложенные истории и стихи. Восемнадцать новых цветных иллюстраций, пояснения и оформление под старинную книгу. Для взрослого читателя: сохранены жестокие эпизоды и сложные нравы эпохи. Автор идеи русского издания, составитель и редактор — Александр Сергеевич Власов. Перевод, редакционные материалы и художественное оформление подготовлены с использованием современных языковых моделей.

© Гёллет Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Предисловие к русскому изданию	5
Предупреждение автора	6
Бретонские вечера	7
История принца Приветливого	8
История принцессы Искусницы	12
История принца Остроума и принцессы Блистательной	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Тома-Симон Гёллет

Бретонские вечера

Предисловие к русскому изданию

Эта книга приглашает читателя в мир, где за морским туманом скрывается дворец Тайн, дракон становится верным другом, а зеркало умеет отличать правду от обмана. Принцы и принцессы странствуют между чудесными островами, освобождают пленников и рассказывают друг другу о пережитом. Каждый новый рассказ помогает понять предыдущий, и постепенно отдельные приключения сходятся в одну историю.

Тома-Симон Гёллет (1683–1766), французский писатель и знаток театра, впервые выпустил «Бретонские вечера» в 1712 году. Он соединяет придворную сказку, морское путешествие, хитроумные испытания и фантастические превращения. Говорящие имена персонажей часто заранее обещают читателю определённый нрав — или заставляют задуматься, насколько имя соответствует поступкам его носителя.

Русский перевод подготовлен по авторскому разделу тридцать второго тома «Кабинета фэй», изданного в Женеве и Париже в 1786 году. Сохранены авторское предуведомление, всё обрамляющее повествование, вложенные истории и стихотворная надпись волшебного зеркала. Перевод следует составу этого переиздания. Отдельного текста посвящения дофину в использованном экземпляре нет. Читатель найдёт точные сведения об источнике в конце книги.

В переводе сохранены сюжетные подробности, последовательность событий и развязки. Имена, построенные на названиях качеств и способностей, по возможности переданы по смыслу: Приветливый, Искусница, Остроум, Разум, Златоуст. Стихи зеркала переданы без обязательной рифмы, с сохранением восьми строк и их противопоставлений. Несколько пояснений русского издания отделены от авторского текста.

Издание предназначено для взрослого чтения.

Восемнадцать цветных сюжетных иллюстраций сопровождают весь ход повествования. Новые рисунки, передняя и задняя обложки созданы специально для этой книги; это художественные образы сказочного мира. Тёплая фактура бумаги и подробная цветная гравюра поддерживают ощущение встречи со старинным изданием.

Автор идеи русского издания, составитель и редактор — Александр Сергеевич Власов. Перевод, редакционные материалы и художественное оформление подготовлены с использованием современных языковых моделей.

Пусть эта встреча со старинной книгой подарит вам радость, а её герои напомнят: даже маленькое доброе дело может изменить чью-то судьбу.

2026 год.

Предуведомление автора

Эти фаблио, или сказки, которые я предлагаю публике, переведены со старинной рукописи, подаренной мне несколько лет назад господином де Б..., председателем Бретонского парламента. В подлиннике они носят название «Бретонские вечера». Вот откуда оно произошло.

Задолго до того, как герцогство Бретань присоединилось к французской короне благодаря браку Анны Бретонской, принёсшей его в приданое Карлу VIII, сыну Людовика IX¹, этой областью правили короли. Конан Мериадек, молодой вельможа из рода английских королей, первым царствовал здесь под этим титулом. После одиннадцати законных государей королевство досталось Даниэлю Дремрюзу, владевшему им с 680 по 720 год.

Старинные летописи страны рассказывают чудеса об этом короле и о невероятных подвигах, совершённых им за время царствования, но ничего не сообщают ни о его рождении, ни о том, как он стал королём Бретани. Впрочем, некоторые из них выводят его род от графов Корнуайля и повествуют, что он женился на дочери английского вельможи по имени Ривалон Мюрмассон. От этого брака родилась принцесса редкостной красоты, названная Алиенорой. С ранних лет она была погружена в такую глубокую меланхолию, что ей уже исполнилось почти тринадцать лет, а никто ещё не видел, чтобы она смеялась.

Дремрюз, у которого не было других детей и который страстно любил дочь, невыносимо страдал, видя её в столь мрачном расположении духа. Чтобы развлечь принцессу, он каждый день придумывал множество новых игр, впоследствии дошедших и до нас.

Таковы молчанка, угадывание ремесла, фанты, пословицы, прерванные речи, ревности, слепцы, безумие и многие другие игры, которые и сегодня забавляют молодых людей. Однако всего больше помогло чтению принцессе фаблио — того, что ныне мы называем волшебными сказками. Заметив, что Алиенора слушает их внимательнее, чем предаётся любому другому удовольствию, лучшие бретонские умы сочли за честь угодить королю, развлекая принцессу, и наперебой принялись приносить ей новые сказки.

Дремрюз радовался, что мрачность дочери понемногу рассеивается, и неизменно проводил все вечера в её покоях. При нём каждый автор читал своё сочинение; если оно заслуживало одобрения принцессы, его переписывали и помещали в сборник. Сама Алиенора назвала этот сборник «Бретонскими вечерами», потому что чтения обычно происходили по вечерам. Наконец, спустя немалое время принцесса совершенно избавилась от меланхолии благодаря этим фаблио, как и сказано в их предисловии.

Впрочем, я не счёл нужным разделять их по вечерам и помещать после каждой сказки рассуждения, которыми она завершается в подлиннике. Простодушие этих речей наверняка утомило бы читателя; ему будет приятнее читать сказки без перерыва. Если нынешние придутся ему по вкусу, у меня есть ещё несколько сказок, взятых из той же рукописи: впоследствии я предложу ему и их.

Бретонские вечера

Жил некогда государь по имени Приветливый, правивший в Счастливой Аравии. Престол достался ему от длинного ряда предков, неизменно пользовавшихся любовью своих народов. Память о них была так дорога подданным, что каждый год в их честь устраивали великолепные игры. Блистательная молодёжь старалась заслужить одобрение государя, который сам вручал награды победителям. На этих подобию рыцарских ристалищ воспроизводили всё, что бывает в настоящих битвах: даже голоса, стоны и крики сражающихся, не забывая ни падений, ни смертей, ни побед. Народ видел в играх верную картину войны и ждал этого дня с величайшим нетерпением. Больные обыкновенно просили перенести их к окнам: зрелище облегчало их страдания. Беременные женщины смешивались с толпой, радуясь при мысли о том, для какого государя им предстоит произвести на свет новых граждан. Словом, веселье обычно было столь всеобщим, что доходило до самых несчастных; даже рабы забывали о суровости своей участи и воображали себя свободными — так сильно действовала на сердца общая радость.

День, назначенный для торжества, наконец настал. Жрецы уже готовили ножи, чтобы заколоть жертвенных животных. Место, где должны были совершить жертвоприношение, а затем провести игры, заполнилось бесчисленным множеством людей всех сословий. Ждали лишь государя Приветливого. Но тут его главные приближённые, искавшие его с рассвета, с печалью объявили друиду, что монарха нет ни в его покоях, ни во дворце.

Народ обожал своего государя, поэтому тотчас тщательно обыскали все места, где он мог оказаться. Когда же никаких известий не получили, все пришли в смятение. Казалось невероятным, чтобы он добровольно исчез именно тогда, когда его присутствие должно было стать лучшим украшением праздника, и чтобы даже самые преданные слуги не знали причины его отсутствия. Однако ничего достоверного выяснить не удалось. Из-за этого несчастья жертвоприношение и игры отложили, и каждый разошёлся домой с тяжёлой скорбью в душе.

Первые лица государства и знатные рыцари, лично преданные монарху, почитая своим долгом узнать, что с ним случилось, разъехались на поиски. Они обещали вернуться в назначенный день, если не получат о нём никаких известий. Срок истёк, все рыцари возвратились, а поиски не принесли плодов. Никто уже не сомневался, что Приветливый погиб при каких-то необычайных обстоятельствах. Исходя из этого печального предположения, решили воздвигнуть ему великолепный кенотаф в знак глубокой скорби о его утрате.

Подданные облачились в траур и искренне оплакивали столь доброго государя, не оставившего наследников. Они открыто заявили, что, пока не получат достоверного известия о его смерти, не признают над собой другого правителя. На это время управление государством передали троим: ближайшему родственнику монарха, великому друиду и одному из старейшин, чья честность, бескорыстие и мудрость были всем хорошо известны. Этим трём правителям поручили также позаботиться о погребальных торжествах в честь короля.

Всё уже было приготовлено к печальной церемонии. Животных привели к алтарю, и друид поднял руку, собираясь принести в жертву чёрную овцу, как вдруг раздались громкие радостные крики: появился всеми любимый государь, которого уже не надеялись когда-либо увидеть. Безмерная радость сменила глубочайшую печаль. Приветливый, тронутый добротой своих подданных и всеобщей любовью, которую они ему выказывали, горячо поблагодарил их.

Собрав вокруг себя первых людей королевства, он сказал:

— Если бы я и дальше медлил рассказать вам о причине моего невольного отсутствия, то счёл бы себя недостойным той радости, с какой вы встречаете моё благополучное возвращение. Вы услышите о почти невероятных событиях.

История принца Приветливого

— В день, когда надлежало почтить память королей, моих предшественников, едва забрезжил рассвет, я встал, не разбудив никого из находившихся подле меня. До начала церемонии оставалось время, и я решил прогуляться в лесу ланей. С луком и стрелами я один пересёк сады, вышел через дверь, от которой у меня был ключ, и вошёл в лес. Хотя я был пешим, я погнался за несколькими зверями и, сам того не заметив, так далеко отклонился от привычных троп, что уже не мог отыскать дорогу назад.

Я отлично понимал, какую тревогу вызовет моё отсутствие. Но, пробродив пять или шесть часов и заметив, что лишь всё больше теряю путь, я присел отдохнуть под густым деревом. Дневной зной навевал дремоту. Я уже готов был насладиться сладостью спокойного сна, когда вдруг услышал неподалёку голос дамы, певшей с большим искусством и приятностью. Я тотчас поднялся, узнал фею Цветущую и почтительно подошёл к ней. Я хотел выразить радость от встречи и попросить помочь мне вернуться во дворец, но в это время появилась её тётка, фея Грозная.

Она подошла ко мне с весьма любезным видом и спросила, почему я один в столь глухом месте. Я рассказал, как заблудился на охоте.

— Нам будет нетрудно указать вам дорогу, — сказала коварная фея. — Но не желаете ли вы прежде освежиться, принц?

Она поднесла мне чашу из горного хрусталя в золотой оправе и налила в неё красную жидкость, по запаху показавшуюся мне превосходным вином. Долгая ходьба измучила меня жаждой. Не обратив внимания на знаки, которые делала фея Цветущая, я выпил её большими глотками. Но едва чаша опустела, как все мои члены оцепенели, глаза заволокла густая тьма, и я впал в подобие летаргического сна.

Тогда жестокая фея — вероятно, мстя за то, что некогда я отказался жениться на безобразной принцессе, которой она покровительствовала, — схватила меня за волосы и перенесла, спящего, в глубокую страшную пещеру. Свет проникал туда лишь сквозь недоступную отдушину. Эта мрачная темница

зовётся башней Погибели: там фея заточает тех, кого хочет погубить.

Очнувшись через несколько часов, я с ужасом увидел, где нахожусь. Когда ко мне вернулось сознание, я понял, что Грозная не намерена меня щадить. Я был весь поглощён этими печальными мыслями, когда слабый свет угасающего дня позволил мне разглядеть в той же темнице огромного змея, или крылатого дракона.

Мне показалось, что он смотрит на меня с яростью, и я пришёл в неописуемый ужас. Я был безоружен и не мог избежать смерти, которую, как мне чудилось, чудовище вот-вот мне принесёт. Чтобы не томиться в мучительном ожидании, я уже готов был сам отдаться ему, но тут заметил небольшую нишу, где можно было укрыться от змея. Я поспешно забрался туда и провёл ночь в смертельном страхе.

На следующее утро свет, проникавший сквозь отдушину, позволил лучше рассмотреть страшного зверя. Он встряхивал крыльями и хвостом так, что пещера содрогалась. Я решил, что он собирается вытащить меня из убежища и сожрать, но, к счастью, он не сдвинулся с места. Ещё несколько часов я пристально наблюдал за чудовищем. Каждое его движение заставляло меня содрогаться от ужаса. Наконец дракон внезапно поднялся, некоторое время парил по пещере, а затем опустился у моих ног. Я счёл, что настал мой последний час. Страх мой удвоился, но, к моему изумлению, дракон не причинил мне никакого зла: он принялся лизать чёрный камень и, по-видимому довольный, вернулся на своё место. На следующий день в тот же час он повторил это, как повторял и в последующие дни, пока я не осмеливался выйти из ниши.

Между тем голод становился невыносим. Я решил сам приблизить смерть, раз всё равно не мог её избежать. Дрожа, я покинул убежище. Дракон смотрел на меня, не двигаясь, и словно сочувствовал моей беде. Наконец я склонился над чёрным камнем, полагая, что страшное чудовище оставило на нём яд, которым, должно быть, наполнено его тело. Надеюсь вскоре избавиться от всех мучений, я стал лизать камень, как прежде лизал его дракон. Но тут же с изумлением почувствовал, что муки голода проходят, желудок совершенно успокаивается, а тело вновь обретает силы.

Эти удивительные перемены несколько испугали меня. Как бы несчастен ни был человек, жизнь всё же кажется ему сладостной.

Я начал думать, что яд настолько охладит природное тепло моего тела, что вскоре причинит быструю смерть. Она показалась мне жестокой лишь теперь, когда я вообразил, будто она приближается. Но со временем страх прошёл. Я вспомнил, что когда-то слышал от феи Цветущей о насыщающем камне, и с радостью заключил, что передо мной именно он.

Это открытие вселило надежду однажды покинуть ужасное жилище. Ведь, несмотря на жестокий замысел феи, я нашёл здесь средство поддерживать жизнь, а змей не только не делал мне зла, но каждый день ласками выказывал всё новые знаки доброжелательства и дружбы. В первые дни я отвечал на них с опаской, однако потом так привык к чудовищу, что по ночам оно ложилось рядом и согревало меня.

Я заметил, что ежедневно в один и тот же час змей подлетал к отдушине и подолгу оставался возле неё. Я не понял, что он понемногу прогрызал камень.

Поэтому девять или десять дней назад я с удивлением увидел, что отверстие стало достаточно большим, чтобы он мог протиснуться наружу. Утром он действительно выбрался и оставил меня одного в страшной пещере. В том несчастном положении, в каком я находился, даже самое ужасное общество кажется отрадным. Отсутствие дракона, на возвращение которого я уже не надеялся, повергло меня в отчаяние. Я решил умереть от голода и пять дней не подходил к насыщающему камню.

Я был уже при последнем издыхании, когда увидел, что змей возвращается в пещеру. Бедное животное словно звало меня бежать вместе с ним: оно то и дело поднималось к отдушине, протягивало ко мне хвост и обвивало им мои ноги. Эти многократные ласки придали мне мужества. Внезапно решившись, я крепко ухватился за его хвост. Дракон обвил меня так, что освободиться я не смог бы, даже если бы захотел. Он поднял меня с собой, выбрался через отверстие, которое сам проделал, и вырвал из жалкой темницы, где я окончил бы свои дни.

Пронеся меня по воздуху несколько часов, он осторожно опустил меня на землю возле подобия пастушеской хижины. Я был в плачевном состоянии: долгое голодание совершенно

истощило мои силы, и я думал, что мне остаются считанные мгновения жизни. Тут змей снова удалился. Эта новая разлука окончательно сокрушила меня. Я впал в такое беспамятство, что умер бы, если бы добрая старушка, заметив опасность, не поспешила за помощью в соседний дом. Она столько хлопотала надо мной, что вернула меня к жизни, а затем предложила гранат, чтобы подкрепить меня. Вы знаете, как я люблю этот плод.

Я уже подносил его ко рту, когда змей, только что улетевший, с ужасным шипением стремительно примчался назад. Он бросился на меня, вырвал плод у меня из рук и тотчас проглотил. От испуга я снова лишился чувств. Но каково же было моё изумление, когда, очнувшись, я увидел рядом лишь сброшенную змеиную оболочку, а вместо чудовища — самое прелестное создание, какое только можно вообразить!

Моё удивление превзошло прежний страх.

— Какое необычайное приключение привело сюда божество под чешуёй ужасного чудовища! — воскликнул я. — И как мне отблагодарить вас? Ведь, судя по всему, именно вы спасли меня из страшной темницы, где я должен был погибнуть!

— Если я спасла вам жизнь, — ответила прелестная девушка, — то вы только что возвратили мне прежний облик. Стало быть, мы достаточно обязаны друг другу.

— Я? — спросил я. — Как же мне посчастливилось содействовать тому, за что я охотно заплатил бы собственной жизнью?

— Сейчас вы узнаете, — продолжала она. — Только слушайте внимательно.

И красавица начала рассказывать свою историю.

История принцессы Искусницы

— Я дочь короля Воображаемых стран и королевы Пустых Мечтаний. После нескольких выкидышей моя мать произвела меня на свет с помощью феи Лёгкой, служившей ей повитухой. При рождении фея наделила меня всеми совершенствами тела и ума и назвала Искусницей, потому что я и в самом деле должна была отличаться необычайной ловкостью. Мне уже исполнилось шестнадцать лет, когда молва о моей красоте разнеслась по свету и король Умелый попросил моей руки.

В наших владениях ничего не делалось без совета феи Лёгкой. Она почти не покидала нас, но, к несчастью, как раз к приезду послов Умелого отправилась улаживать спор двух молодых фей, избравших её посредницей. Никто не знал, где её разыскать. Отец, опасаясь упустить брак, который казался ему весьма выгодным, тотчас дал согласие и через несколько дней отправил меня к жениху. Умелый был очень стар, а я испытывала глубокое отвращение к этому союзу. Но пришлось повиноваться и стать жертвой политики: наш брак совершился под покровительством неприязни и омерзения.

Когда же настало время ложиться и я оказалась перед необходимостью довершить жертву, мне вдруг пришла на ум уловка, внушённая, несомненно, феей Лёгкой. Я предстала перед королём.

— Государь, — сказала я, — поскольку вашему величеству угодно было по особой милости избрать меня супругой, молю вас оказать мне одну милость в награду за мою девственность. Я знаю, что моя просьба может повлечь важные последствия. Но я сочла бы себя недостойной любви столь великого государя, если бы в столь торжественный день получила от него лишь отказ.

Монарх горячо любил меня и не ожидал того, что я собиралась предложить. Он поклялся всем святым, что нет ничего, чего я не могла бы от него добиться.

— Государь, — отвечала я, — помните, что обещания королей нерушимы. Итак, я желаю, чтобы на ваших монетах рядом с вашим именем и изображением чеканили мои.

Едва я договорила, король нахмурился.

— Вы были правы, полагая, что этой милости нелегко добиться. Я не думал, что у вас хватит самомнения требовать прав, которые так ревниво оберегали все мои предшественники. Вам должно быть известно, что в нашей стране скипетр никогда не переходил к прялке. Советую выбрать что-нибудь другое.

— Государь, — твёрдо возразила я, — вы могущественный король, но справедливость ваша ещё превосходит ваше величие. Вы связали себя страшными клятвами и не можете нарушить их, не опасаясь кары богов, мстящих за клятвопреступление. Какой бы властью вы надомной ни обладали, будьте уверены: я не стану вашей женой, пока не получу того, в чём вы уже не вправе мне отказать.

— Что ж, — довольно резко сказал король, — я согласен, но с условием, которое вам, возможно, окажется не так легко

выполнить. Прикажите принести ваш лук и стрелы. Каждый из нас выстрелит трижды. Если вы одержите надо мной верх, я больше не стану противиться вашим несправедливым притязаниям.

Я охотно согласилась на испытание. Мы тотчас прошли в большую галерею, в конце которой король при свете факелов велел поставить на подставку небольшую серебряную чашу.

Он сказал, что это наша цель, но стрелять придётся наугад: состязание должно происходить в темноте. Все огни погасили. Король, много раз проделывавший такое прежде, трижды выстрелил. Удары стрел о чашу были отчётливо слышны. Его радости не было предела.

— Сделайте так же или лучше, — сказал он. — Вы слышали, что я исполнил.

— Государь, два чувства лучше одного, и самое тонкое из них рассудит нас, — ответила я.

Взяв лук, я пустила первую стрелу; её удар о чашу был хорошо слышен. Король удивился, но вскоре решил, что может торжествовать: две следующие стрелы не издали ни звука, словно пролетели далеко от цели.

— Ну что, кто победил? — спросил он, громко хохоча.

— Надо посмотреть. Зрение решит это лучше слуха.

— Принесите же огни, раз она придирается! — воскликнул король.

Мы подошли осмотреть цель и стрелы. Каждая из королевских стрел пробила в чаше своё отверстие. Мои же, из которых лишь первая произвела звук, прошли одним путём. Я прицелилась так верно, что две последние пролетели сквозь отверстие от первой; потому и не было слышно их ударов о чашу.

Увиденное крайне огорчило короля. Он не мог отрицать, что честь победы принадлежит мне. Однако уступать часть своего величия ему не хотелось: разделить славу с женщиной казалось ему слишком большим ущербом. Поэтому исполнять мою просьбу он не торопился.

— Позвольте, прекрасная принцесса, ещё раз испытать ваше искусство и убедиться, так же ли справедливо вы будете носить своё имя впредь. Но теперь слишком поздно. Отложим состязание до белого дня.

Я удалилась в покои, находившиеся далеко от королевских, и провела ночь в тревоге. На следующее утро мне сообщили, что король ждёт меня.

В дворцовом саду стояла статуя одного из предков Умелого со скипетром в руке. Король велел вынуть скипетр и положить на его место апельсин. Указав мне на него, он сказал, что больше не станет противиться моему желанию, если я сумею стрелой снять апельсин с руки и вернуть обратно, не дав ему коснуться земли. Я отвечала, что готова выполнить это, если справится он сам, слывающий самым искусным государем на свете.

Король и прежде не раз проделывал такой опыт. Он взял очень тонкую стрелу и пустил её с такой точностью, что она сняла апельсин, пронзила его насквозь и воткнулась в землю; плод остался на ней возле оперения. Затем король выдернул стрелу и вновь послал её вверх с таким искусством, что она упала в кольцо, образованное пальцами статуи. Апельсин остался на руке, а стрела под собственной тяжестью проскользнула вниз и упала отвесно у подножия.

Те, кто восхищался ночными выстрелами, ещё больше дивились этим. Они рукоплескали ловкости короля и радостно кричали, повторяя, что мне незачем стрелять после государя: лучше признать себя побеждённой и отказаться от самонадеянных требований.

— Потихе, господа, — возразила я. — Чтобы здраво рассудить спор, нужно выслушать обе стороны. Король сделал прекрасные выстрелы, я согласна. Но надеюсь, что мой им не уступит.

Став прямо под статуей, я прицелилась так верно, что стрела прошла в отверстие руки и унесла апельсин с собой в воздух. Достигнув высшей точки, она повернулась и упала отвесно туда же, откуда вылетела. Апельсин остался на руке, а стрела воткнулась в землю рядом с королевской. Придворные, ещё минуту назад рукоплескавшие королю, не могли отрицать, что я превзошла его: одним выстрелом сделала то, для чего ему потребовалось два.

Король был в отчаянии от поражения. Всё ещё ища способ отсрочить исполнение обещаний, он попросил меня немедленно поехать с ним на охоту, чтобы подвергнуть мою находчивость последнему испытанию. Он поклялся, что, если я исполню то, что он предложит, больше не станет препятствовать моему желанию.

Мы вошли в лес. Я была рядом с ним, когда навстречу нам медленно вышел олень.

— Вот последнее доказательство ловкости, которого я от вас требую, — сказал король. — Видите этого оленя? Если вы сумеете одной стрелой пронзить ему левое ухо и заднюю ногу с той же стороны, я больше не противлюсь вашим желаниям.

— Только и всего, государь? — рассмеялась я. — Значит, я могу быть уверена, что скоро получу все преимущества, подобающие моему рождению.

Я подобрала небольшой комок земли и положила его в углубление на конце моего лука, похожее на желобок пастушеского посоха. Затем бросила комок прямо в левое ухо оленя. Земля рассыпалась и зашекотала его; он внезапно остановился и задней ногой с той же стороны стал стряхивать мешавшую пыль. Пока он стоял в этой позе, я, не теряя времени, пустила стрелу так метко, что она пронзила и ухо, и ногу.

Король был настолько поражён этим последним выстрелом, что застыл на месте. До самого дворца он не произнёс ни слова. Никто из придворных не осмелился вывести его из мрачного расположения духа, а я уже начала раскаиваться в том, что доказала своё право заслужить искусством то, в чём его сердце не должно было отказывать мне с таким упорством.

Вернувшись, король притворился утомлённым охотой, ушёл к себе и велел мне удалиться в мои покои. Любовь его обратилась в ярость. Он послал за Грозной, случайно находившейся при дворе, и отдал меня во власть этой жестокой феи, настойчиво прося любой ценой избавить его от меня.

Фея радостно исполнила приказ: нельзя было упустить такой удобный случай выказать злобу. Она тотчас приняла облик одной из моих придворных дам и пришла прислуживать мне за столом. Подала мне напиток, несомненно такой же, каким угостила вас в лесу ланей, и вскоре я задремала. Все приписали мою непреодолимую сонливость дневной усталости. Меня отвели в покои и уложили в постель. Оставшись со мной наедине, фея воспользовалась минутой и похитила меня.

Она перенесла меня к опушке леса, произнесла несколько непонятных слов, плеснула мне на голову рыжеватой водой и превратила в дракона, каким вы меня видели.

— Ты не отделаешься одним этим отвратительным обликом, — сказала она. — Я помещу тебя туда, где ты будешь часто призывать смерть, а она не придёт тебе на помощь.

Силой своих чар она низвергла меня в ту башню, куда впоследствии заточила вас и где столько несчастных принцев погибло по одному лишь капризу этой жестокой феи.

Как я узнала от Лёгкой, король Умелый изобразил глубокое горе, когда наутро ему сообщили, что меня нет в покоях. Он приказал искать меня по всему королевству и убедил моего отца, будто я, питая отвращение к браку, по всей видимости, нашла способ бежать.

Но вернёмся к доброй фее Лёгкой, чьё отсутствие стало причиной всех моих несчастий. Когда, возвратившись, она узнала о случившемся, то заподозрила тайну. Заглянув в свои книги, она с болью увидела, что я нахожусь во власти Грозной, и отправилась просить за меня. Жестокая фея осталась непреклонна.

— Всё, что я могу для вас сделать, милая сестра, — сказала она, — это не дать принцессе окончить дни в башне Погибели, как я решила прежде. Она пробудет там только три года и один месяц — при условии, что за это время сумеет приобрести дружбу принца, который, не отвратившись от её безобразия, готов будет умереть от горя, потеряв её. Затем она вновь обретёт прежний облик, если случайно съест плод, носящий имя великого королевства². Этот плод она вырвет у принца, которому суждено избавить её от ужасного состояния и после многих приключений на ней жениться.

— Прелестная принцесса! — воскликнул я. — Предсказание исполнилось благодаря гранату, который вы вырвали у меня из рук. Неужели мне посчастливится увидеть, что вы не противитесь велению судьбы? Я без колебаний отдал вам сердце с первого же мгновения, как увидел вас. Ещё прежде, чем вы открыли волю богов, я уже не принадлежал себе.

— Принц, я благодарна за любовь, которую вы мне оказываете, — отвечала она. — Но не внушает ли вам одна лишь признательность те чувства, которые мне хотелось бы пробудить только любовью?

Я рассеял столь несправедливые подозрения искренними клятвами любить её всю жизнь. Принцесса поверила. Она рассказала, что Лёгкая навещала её в темнице каждый день, объяснила всё, что должно было произойти, и сама направляла

ход событий. Затем прибавила: прежде чем заключить брак, который принесёт нам счастье, мы оба должны разрушить необыкновенное колдовство.

— Вот в чём дело, — продолжала она.

Город Собарра принадлежит императору Сновидений. Он живёт там и зовётся государем Причудливым за свой странный нрав, затмевающий часть его добрых качеств. Около полугода

назад по ничтожному подозрению, которое нетрудно было бы проверить, если бы он не предался всецело гневу, он принёс в жертву своей мстительности трёх принцев исключительного достоинства. Собственную дочь он велел заключить в ужасную темницу, намереваясь предать её там жестокой смерти. Но боги сжалились над невинными.

Внешность иной раз обманывает. Часто нечто кажется нам преступным лишь потому, что мы смотрим предубеждённо. Император Причудливый не пожелал узнать правду, которую один из принцев пытался ему открыть. Чтобы покарать его за жестокую предвзятость, боги повелели Лжи поразить его в самом чувствительном месте. Этот призрачный бог, порождённый Обманом и Злобой, вскоре исполнил полученное свыше повеление.

Однажды утром, едва показалось солнце, император прогуливался по морскому берегу со множеством придворных. Вдруг на востоке поднялась огромная раскрытая рука. Весь день она оставалась неподвижной. Жители Собарры сбегались посмотреть на необычайное явление; каждый толковал о нём по-своему. Астрологи, пребывавшие в большем замешательстве, чем кто-либо, тщетно искали причину чуда.

Наконец, на закате, жестокая рука метнулась к берегу гавани, схватила одного из принцев королевской крови, которого, как и самого императора, любопытство удержало на месте, и на глазах у всего народа бросила его в морскую пучину. Все были поражены трагическим происшествием и горько оплакивали несчастную жертву, избранную рукой. Император очень любил свою семью, и случившееся глубоко его потрясло.

В следующем месяце его скорбь удвоилась. Несмотря на вооружённую защиту, роковая рука проникала во дворы и сады дворца, уносила то принца, то принцессу императорского рода и бросала их в море. Так продолжалось в первый день каждой новой луны.

Вот какие чары нам предстоит разрушить. Но прежде мы должны добыть статую Истины и зеркало Мудрости. Их придётся усердно искать; овладеть ими мы сможем лишь после многих необычайных испытаний.

— Прелестная принцесса, — сказал я, — мы оба слишком хорошо испытали участь несчастных, чтобы откладывать помощь императору Собарры, потерявшему покой. Отправимся же немедленно и предадимся нашей славной судьбе!

— Меньшего я и не ожидала от вашего мужества и великодушия, — ответила Искусница. — Но прежде вы должны показаться своему народу: вас считают мёртвым. Потом возвращайтесь ко мне во дворец Веселья, где живёт фея Лёгкая. Там мы получим наставления, необходимые для исполнения нашего замысла.

Так говорила принцесса. Лишь с величайшим сожалением я решился расстаться с прелестным созданием. Перед уходом я ещё раз сказал ей, что всё моё счастье состоит в том, чтобы нравиться ей.

— Я не равнодушна к вашему пылу, — отвечала она. — Но нужно исполнить приказания феи.

Она отвела меня к лодке, которой правил маленький амур. Этот бог и доставил меня сюда, чтобы я успокоил вас и приготовил всё нужное для путешествия, которое, по всей вероятности, окажется весьма продолжительным.

Рассказ принца Приветливого показался вельможам королевства поразительным. Они тысячу раз благословили принцессу Искусницу за то, что она спасла их короля из печальной темницы, где без неё он окончил бы свои дни. Устроили всенародные празднества и принесли жертвы в благодарность богам. Затем государь распорядился делами королевства, оставил управление тем, кого народ уже избрал во время его отсутствия, и возвратился к берегу моря, где стояла на якоре лодка.

Маленький амур начинал терять терпение и крепко пожурил его за долгое ожидание. Немедленно взяв путь ко дворцу Веселья, он за несколько дней доставил туда принца.

— Отправляйтесь, милые дети, — сказала Лёгкая, нежно обняв влюблённых. — Мужественно встречайте приготовленные вам опасности: каждая станет ступенью к совершенному счастью. Дольше всего ожидаемые блага — самые желанные; лишь добыв их трудом, можно вкушать их во всей чистоте. Пусть мудрость всегда направляет ваши поступки. Не делайте ничего, её недостойного; чтите богов, помогайте несчастным и будьте уверены: пока вы следуете этим наставлениям, я никогда не оставлю вас в беде.

Затем фея провела их на великолепный корабль из редкостного дерева. Паруса покрывали вензеля двух знатных влюблённых, вышитые золотом и шёлком. Нежно попрощавшись с ними, она велела немедленно выйти в море.

Около пятнадцати дней корабль Приветливого и Искусницы благополучно шёл к острову Собарра. Но вдруг ветер сделался встречным. Поднялась яростная буря; густой туман опустил среди бела дня столь тёмную завесу, что исчезли и солнце, и море. Коварная стихия, вздымаемая ветром и грозой, страшно ревела под тяжестью корабля. Воздух непрерывно озадряли молнии; пылающее небо оглашалось ужасающими раскатами грома. Море поднималось почти до небес, а мгновение спустя обрушивало волны, словно в бездну, которая вот-вот поглотит корабль. Крики матросов и грохот волн заглушали команды кормчего; ветер бушевал так сильно, что управлять судном было невозможно. Неотвратимая смерть грозила со всех сторон.

Но когда принц и Искусница уже думали, что пробил их последний час, море наконец утихло и стало спокойнее. Ветер совершенно стих, волны почти перестали двигаться, и мягкий живительный воздух, сменивший ужасную непогоду, заставил почти забыть опасность, в которой они находились минутой раньше.

За двенадцать часов страшного урагана корабль сильно пострадал. Пришлось пристать к ближайшему острову для починки. Но едва принц и принцесса ступили на берег, как их окружило ужасающее множество львов. Звери бросились на них. Приветливый, испуганный опасностью, угрожавшей Искуснице, тотчас заслонил её собой и обнажил саблю, решившись либо умереть у неё на глазах, либо спасти её. Несмотря на всю его храбрость, они скоро стали бы добычей разъярённых чудовищ, если бы один из жителей острова не прибежал на помощь.

Едва этот человек появился, львы испугались одного его присутствия и с ужасным рычанием убежали в лес.

— Ах, великодушный рыцарь! — сказал Приветливый. — Найдутся ли слова, способные выразить всю мою горячую признательность? Впрочем, я ошибаюсь: столь необычайной помощью я обязан не человеку. Нельзя с достаточным почтением взирать на божество, перед которым преклоняются даже самые свирепые звери!

С этими словами он хотел пасть к ногам незнакомца, но тот удержал его.

— Что вы делаете, доблестный чужеземец? Такое поклонение подобает лишь богам. Воздавать его простому смертному, как я, — значит оскорблять их.

— Кто бы вы ни были, — сказала Искусница, уже успевшая оправиться от испуга, — мы обязаны вам жизнью и никогда не забудем великодушия, которое вы нам выказали.

— Увы, госпожа! — ответил незнакомец, пролив несколько слёз при воспоминании о своих бедах. — Я вовсе не бог, а только несчастный принц, с раннего детства терпящий удары судьбы. Прибыв на остров, я и сам был бы растерзан этими жестокими чудовищами, если бы не поспешил прибегнуть к средству, которое узнал от искусного философа. Больше полугода я томлюсь в этом страшном месте. Если вас трогают бедствия человека, удручённого скорбью и страданиями, позвольте мне отплыть с вами. Куда бы вы ни направлялись, я буду счастлив уже тем, что покинул ужасную страну, где смерть каждую минуту встаёт перед глазами.

Приветливый и Искусница были тронуты жалобами незнакомца и обрадовались возможности так скоро отплатить ему за спасение. Они сказали, как рады облегчить его страдания и увезти с собой. Поспешно исправив повреждения, причинённые кораблю бурей, все с величайшим облегчением покинули берег, о высадке на который не могли вспомнить без содрогания.

Едва они вышли в открытое море, принцесса, желая узнать приключения своего избавителя, попросила его рассказать о них. Незнакомец не мог отказать ей в этом удовольствии и тотчас начал так.

История принца Остроума и принцессы Блистательной

— Моего отца зовут королём Суждением. Он женился на принцессе Памяти, которая родила ему троих сыновей; я старший. Меня назвали Остроумом, второго брата — Разумом, а третьего — Златоустом. Мы имели все основания быть довольными судьбой, когда отцу вдруг вздумалось развестись с королевой. Не заслужив такого обращения, она умерла от горя, оставив нас в глубочайшей печали. Отец, уже охладевший к ней, вскоре совершенно её забыл и женился на принцессе Химере, вдове государя Глупцов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.